

Печать из белого тяньхуана, о которой говорил Чжан Цзюньчу, относилась к редчайшей разновидности «золото, укывшее серебро». Тончайшая золотистая корочка благородного камня окутывала молочно-белую сердцевину — истинное сокровище среди минералов.

Еще в эпоху Мин этот камень облюбовал императорский двор, сделав его исключительным материалом для государственных печатей. С приходом династии Цин и воцарением Цяньлуна любовь правителей к драгоценному минералу переросла в настоящее преклонение — без него не обходилось ни одно священное подношение Небу.

— Эта печать — чиновничья, государственная, — заговорил Чжан Цзюньчу. — Она веками впитывала в себя истинную ци. Древняя история, ценнейший материал... Но даже этого мало, чтобы назвать её лучшей среди представленных. Взгляните-ка лучше на надпись.

По его знаку служитель бережно перевернул печать, подставляя основание под свет ламп.

Четыре вырезанных иероглифа складывались в надпись: «Печать Усмирения Варваров». Зал негромко зашумел — знатоки переглядывались, сясь разгадать скрытый смысл этих слов.

— Слышали ли вы древнее предание? — самодовольно усмехнулся Чжан Цзюньчу. — Даос по имени Нин Цзюнь на Утесе Летящего Инея заприметил мышь, которая забиралась по крутой тропе. Проследив за ней до самой норы, он откопал там печать. Тот артефакт обладал невероятным могуществом: подчинял призраков и повелевал грозами. А на его подошве красовались именно эти слова — «Печать Усмирения Варваров».

— Слышали о таком, — донеслось из зала. — Только в хрониках уезда Аньхуа сказано, что у Нин Цзюня печать была из чистой меди, а вовсе не из белого тяньхуана.

— Верно подмечено, — кивнул Чжан Цзюньчу. — Но если вы читали хроники, то должны знать и то, что рукоять оригинальной печати со временем раскололась, из-за чего она утратила силу. Смею предположить, что мастера укрыли древний медный сердечник драгоценным камнем. И её мощь никуда не делась. Это лишь догадка, но у меня есть способ её подтвердить.

Стоило ему договорить, как артефакт на бархатной подставке слабо вздрогнул. Раздался изумленный вскрик. Гости невольно повернулись к окнам: по стеклам хлестал внезапный дождь.

Непогода разыгралась в считанные секунды. Шквальный ветер завывал за стенами, обрушивая на город стену ливня. В зале воцарилась ошеломленная тишина.

Способные зреть ци затаили дыхание. От печати волнами исходила мощная, клубящаяся энергия. Она закручивалась вихрями, расплзаясь по столу, и в одно мгновение безжалостно поглотила ауру всех остальных экспонатов.

Больше никаких доказательств не требовалось. Эта печать превосходила всё, что находилось в зале.

Упиваясь триумфом, Чжан Цзюньчу горделиво вскинул голову. Его торжествующий, давящий взор устремился через весь зал, выискивая Чжоу Туна.

На губах Чжан Цзюньчу заиграла ядовитая усмешка.

— Моё мнение не обязано быть истиной в последней инстанции, — громко, с наигранным дружелюбием произнес он. — Здесь присутствует мой старый приятель. Мы вместе учились в университете, и его успехи всегда превосходили мои. Уверен, его суждение окажется куда тоньше и точнее.

«Кто-то способнее самого Чжан Цзюньчу?»

Мастера в зале зашептались, заинтригованные его словами. Новое поколение и впрямь наступало на пятки старейшинам. Все взгляды сошлись на Чжан Цзюньчу в ожидании имени загадочного гения.

— Чжоу Тун! — Чжан Цзюньчу чеканил каждое слово. — Скажи, прав я или ошибаюсь?

В зале повисла тишина. Не дождавшись ответа, Чжан Цзюньчу процедил сквозь зубы:

— Чжоу Тун, ты слышишь меня?

Он неотрывно смотрел на одну из лож второго яруса. Провожая этот взгляд, зрители внизу и гости в соседних кабинетах оборачивались, но так и не находили там ничего примечательного.

Дуань Чжэн нервно сглотнул.

От чужого внимания у Дуань Чжэна мурашки побежали по спине. Он неловко пихнул друга в бок:

— Сяо Тун, проснись. Этот павлин тебя вызывает.

— А? — Чжоу Тун сонно моргнул.

Скука его сморила. Он всего лишь планировал закрыть глаза и мысленно попрактиковаться в начертании талисманов, но кресло в ложе оказалось слишком мягким, и юноша незаметно для себя задремал.

Дуань Чжэн на одном дыхании прошептал ему на ухо суть дела. Чжоу Тун лениво скользнул взглядом по хваленной нефритовой печати.

— Да ничего особенного, — негромко отозвался он.

Беда была в том, что именно в эту секунду Дуань Чжэн случайно задел пальцем кнопку микрофона.

Слова эхом разнеслись по залу, отчетливо прозвучав в динамиках.

Лицо Чжан Цзюньчу пошло багровыми пятнами.

— В таком случае, — язвительно бросил он, — поведай нам, невеждам: какая же из семи представленных печатей лучшая?

Чжоу Тун задумался. Раз уж Чжан Цзюньчу решил устроить публичную порку, глупо было бы отмалчиваться и притворяться беззащитной жертвой. К тому же среди экспонатов действительно хватало вещей, превосходящих эту «Печать Усмирения Варваров». Достаточно было указать на любую из них.

— Третья, — с улыбкой произнес Чжоу Тун.

Чжан Цзюньчу растерялся — он не ожидал столь быстрого ответа. Опустив взгляд на витрину, он нахмурился. Буйство «Печати Усмирения Варваров» заставило угаснуть энергетические потоки остальных реликвий; их ауры казались блеклыми и подавленными. Проверив третью ячейку несколько раз, Чжан Цзюньчу окончательно убедился: перед ним пустышка. Наверняка Чжоу Тун просто ткнул пальцем в небо от безысходности.

Схожую мысль разделили и остальные знатоки в зале.

Выбор юноши пал на невзрачное изделие из персикового дерева. Да, этот материал издревле славился способностью отгонять злых духов, но фигурок из него резали слишком много. Деревянные резные штампы не имели коллекционной ценности, к тому же дерево, в отличие от благородного нефрита, почти не удерживало ци. До этого момента на вещь никто даже не взглянул. С какой стороны ни посмотри — хоть глазами обывателя, хоть зрением опытного мага — дешевая поделка казалась худшим экспонатом выставки.

Чжан Цзюньчу показушно, снисчительно рассмеялся.

— Чжоу Тун, друг мой, я слышал, что после выпуска твои дела шли скверно, но не думал, что ты настолько растерял навыки. Впрочем, может, это я чего-то недопонимаю? Признаюсь честно: ни я, ни уважаемые гости в зале не видим в этом бруске дерева ничего выдающегося. Сделай милость, просвети нас.

Желчь в его голосе была столь очевидной, что даже непосвященные зрители все поняли: перед ними разворачивалась личная вражда. Чжан Цзюньчу просто сводил старые счеты, выставя оппонента на посмешище.

— Отчего же не просветить, — отозвался Чжоу Тун.

Его спокойный, мягкий голос лился из колонок ровно и неторопливо. В нем не было ни капли раздражения — лишь безмятежность весеннего ветра, разгоняющего тучи. Контраст с нервным и заносчивым тоном Чжан Цзюньчу бросался в глаза.

— Начнем с того, — продолжил юноша, — что устроители выставки допустили ошибку. Это вовсе не печать. Перед нами — ганмао.

По залу прокатился гул удивления, но Чжоу Тун невозмутимо продолжил:

— Обрядовые амулеты ганмао действительно резали из персикового дерева, за что их порой называют «персиковыми мао». Крошечные походили на игральные кости, крупные — на классические печати с гравировкой, из-за чего их путают и поныне. Но у них есть принципиальные отличия. Во-первых, сквозное отверстие для шнура. Во-вторых, характер надписей. Если на печатях обычно высекают имя владельца или стандартные защитные формулы вроде «Изгнание бесов» или «Великая удача», то на ганмао наносили ритмичные стихи с четкой рифмой, схожие со слогом древней «Книги песен». Не верите? Переверните его.

Служитель поспешно выполнил указание. На экране крупным планом появилось основание персикового бруска. Четыре грани мелкой, но уверенной резьбы явили миру строки:

«В первый месяц рожден оберег золотой, защитит он четыре угла. Силе грозной — лазурной, червленной, златой — повинется скверна и мгла. Сам Небесный Владыка велел Чжужуну обуздать беззаконного Дракона Куя. Сгинут хвори и мор во владенье земном, пред величьем святого закона».

Древние знаки, несмотря на малый размер, читались безупречно.

Обычному человеку такое различие мало о чем говорило, да и надпись сама по себе не являлась неопровержимым доказательством. Подлинную суть амулета определяла скрытая в нем ци, однако среди собравшихся едва ли набрался бы десяток тех, кто умел тонко чувствовать энергетические потоки. Чжоу Туну требовался более весомый аргумент.

Чжан Цзюньчу насупился так, что между бровей пролегла глубокая складка. Ну хорошо, пускай он ошибся с названием, пускай это гангмао, а не печать. Разве простая деревяшка может сравниться с грозным артефактом, способным управлять стихиями?

— Само слово «ганмао» несет глубокий смысл, — продолжил тем временем Чжоу Тун. — Слог

«ган» означает несгибаемую твердость духа, а «мао» указывает на день Мао в первом лунном месяце. В эпохи Цинь и Хань этот день считался опасным, полным дурных знамений. Люди постились, отказывались от мяса и праздной музыки, чтобы уберечься от несчастий. Именно для защиты от зла и были созданы эти амулеты.

— И что с того? — выпалил Чжан Цзюньчу.

Спокойствие соперника лишало его уверенности, заставляя внутренне содрогаться от нехорошего предчувствия. Но признать поражение сейчас означало уничтожить свою репутацию. Сжав кулаки, он пошел напролом:

— Тексты на древних печатях и оберегах часто пересекались. Эти строки крайне редки, я прочел сотни трактатов, но никогда их не встречал. С чего ты взял, что это ганмао, а не редкая разновидность личного штампа? К чему все эти пустые лекции?

Чжоу Тун выдержал паузу. В его тяжелом вздохе скользнуло искреннее сожаление — так смотрят на безнадёжного ученика, которому сколько ни разжевывай, все без толку.

— Неужели ты до сих пор ничего не понял?

Сердце Чжан Цзюньчу болезненно екнуло, в груди защемило от подступающего страха.

— О чем ты? — выдавил он.

— Ты должен был все осознать, едва взглянув на гравировку.

Смысл намека был прозрачен для любого мастера: в подобных артефактах духовная сила неразрывно связана с начертанием иероглифов. Одно только созерцание знаков должно было раскрыть предназначение вещицы. Но Чжан Цзюньчу оказался слеп к движению энергий.

Чжоу Тун мягко добавил:

— Этот амулет помнит времена, когда бог огня Чжужун укрощал свирепого Дракона Куя.

— Чушь собачья! — Чжан Цзюньчу с такой силой вцепился в перила ложи, что побелели костяшки пальцев.

Чжоу Тун лишь пожал плечами. В то же мгновение аура вокруг него пришла в движение. Опытные практики внизу разом вскинули головы, устремив потрясенные взгляды на его ложу. Профаны же недоуменно переглядывались, силясь понять, о каких богах и драконах идет речь.

Но вспышка угасла так же стремительно, как и появилась. Воздух вокруг юноши вновь стал чист и спокоен, будто ничего и не произошло.

Зато невзрачный деревянный брусок на выставочном стенде внезапно ожил.

Из его основания вырвался призрачный силуэт колоссального зверя. Яростный, оглушительный рев сотряс стены павильона.

«Куй — чудовище дивное, обликом подобно дракону, но имеет лишь одну ногу».

Дракон Куй взмыл под потолок, его единственная когтистая лапа тяжело обрушилась на невидимую твердь. Мир за окнами поглотила тьма. В залу ворвался ураганный ветер, принося с собой запах озона и грозы. Присутствующие в зале мастера застыли на месте, словно пригвожденные к полу неведомой силой. В полумраке замелькали размытые тени разбуженных призраков мора — они с утробным хохотом проносились мимо лиц парализованных магов. Люди могли лишь заворуженно наблюдать, как в вышине кружится призрачный змей, сокрушая пространство громом и молниями.

Следом из деревянного бруска вырвался ослепительный столб пламени. Огненная волна с гулом покатила по залу, испаряя набежавшую влагу. Жаркие языки заплясали по стенам лож, заливая помещение багровым светом.

Из бушующего пламени соткалась исполинская фигура величественного божества. Попирая невидимые хребты, бог огня сошелся в яростной схватке с древним змеем. По залу прокатилась мощная вибрация — казалось, здание вот-вот рухнет под напором разбушевавшихся первородных стихий. Грохот грома тонул в торжествующем реве Дракона Куя.

— Что... что это такое?! — в ужасе пробормотал Чжан Цзюньчу.

Горячая волна опалила его лицо. Чжан Цзюньчу попятился и неуклюже повалился на диван своей ложи, не в силах отвести взгляд от грандиозной битвы Чжужуна и Дракона Куя, сотворенной волей Чжоу Туна.

Древний Персиковый Гангмао явил свое истинное величие.

<http://bllate.org/book/18246/1764688>